Шолохов Михаил 29.11.94.

Моск. правда - 1994. - 29 нояб. - С.9.

КАК СОЧИНЯЛСЯ ВЕЛИКИЙ РОМАН

Александр Исаевич! Я нашел «Тихий Дон»!

Впервые могу обратиться к автору «Архипелага» и «Красного колеса» с уверенностью, что на этот раз дойдет мое послание. Ранее предпринятые мною попытки проинформировать его о том, что рукописи первой и второй книги «Тихого Дона» найдены мною в Москве в частном архиве, оказывались безрезультатными. До Вермонта эта весть не доходила. Дойдет ли теперь? Со своего низкого берега Москвы-реки, из Дорогомилова, смотрю на противоположный высокий берег, где тянется Плющиха, в районе которой выстроили новый дом, ставший домом Александра Солженицына после возвращения на родину.

Обращаюсь же я лично к нему на этот раз через газету потому, что именно он издал двадцать лет тому назад в Париже монографию, где доказывалось, что Шолохов совершил плагиат. Автором этой книжки был литературовед, скрывшийся под псевдонимом Д.* Но без поддержки всемирно известного писателя эта монография, конечно бы, не вышла в свет. Вслед за ней появились другие исследования в том же ключе, в том же русле; таких сочинителей, взявших грех на душу, где-то около десяти, среди них Рой Медведев и другие, пошедшие по пути, указанному им Александром Исаевичем.

Я надеюсь, что теперь, когда вот-вот выйдет моя книга «Кто написал «Тихий Дон», А.И.Солженицын признает свою ошибку, увидев черновики романа, тех самых двух первых книг, которых никто не видел. Вот их-то я и нашел, исследовал, доложив о находке ученым.

А сегодня хочу Александру Исаевичу и читателям «МП» предложить отрывок из моей книги, где рассказывается о том, как шла работа над первыми главами романа.

Михаил Шолохов. 1930 год.

Буря и натиск ноября 1926 года

Прошел примерно год с того времени, как Михаил Шолохов начал и, недописав, бросил «Тихий Дон». За это время свершилось много событий в его жизни, хороших и тягостных: вышли в Москве одна за другой две первые книжки рассказов; скончался отец, немного не доживший до триумфа сына, родилась дочь Светлана...Но что бы ни происходило дома, где бы ни жил писатель, на Дону или в Москве, мысль о романе нигде не давала ему покоя.

Мало пока выявлено документов, относящихся к начальной, подготовительной фундаментальной работе романиста. Так, найдено шолоховедом К.И.Приймой письмо из Москвы на Дон, адресованное казаку Харлампию Ермакову, относящееся к весне 1926 года. По-видимому, встреча состоялась летом, о ней Михаил Шолохов просил казака. Во время бесед с ним он узнал «некоторые дополнительные сведения относительно эпохи 1919 г.», сведения, которые «касаются мелочей восстания В.Донского».

Происходили и другие встречи. Для этого не требовалось даже писать писем, куда-то ехать; материал всегда имелся под рукой: на соседнем дворе, на своей улице, в станицах, на хуторах, где жили казаки, земляки, знакомые, родные писателя.

Возникает вопрос: разрабатывал ли Шолохов письменный план «Тихого Дона»? Есть авторы, которые, прежде чем сесть за роман, повесть или даже рассказ, сочиняют подробный план произведения; другие - планы сочиняют в уме. Сюжет, образы героев зреют, кристаллизуются мысленно, пока не наступает момент, когда рука тянется к перу, а перо - к бумаге.

Судя по сохранившимся рукописям, Михаил Шолохов относился к тем, кто планы не торопился записывать, а вынашивал их в себе без особых опасений, что они забудутся, улетучатся. Приступал к работе, когда четко вырисовывались контуры будущего сочинения, масштаб, хронология, место действия, что не мешало по ходу дела вносить коррективы в последовательность событий, сочинять новые эпизоды, дополнительные главы, менять фамилии и имена героев...

Так случилось с фамилией и именем главного героя. Первоначально Шолохов предполагал назвать его Абрамом Ермаковым. Но принял другое решение. По-видимому, потому, что над реальным Харлампием Ермаковым сгущались тучи, его белое прошлое не давало покоя родственникам погибших красных казаков, в результате чего над ним состоялся суд и был приведен в исполнение суровый приговор. Автор не захотел (еще до суда) давать повод кому бы то ни было в будущем связывать героя романа с реальным известным человеком небезупречной репутации. И тем самым подвергать риску роман, к которому скорая на расправу критика тех лет могла наклеить политических ярлыков, небезопасных не только для произведения, но и самого автора.

Как бы то ни было, осенью 1926 года Михаил Шолохов решает назвать главного героя Григорием, его отца Иваном Семеновичем. Фамилию им дать - Мелеховы.

Макнув перо в черные чернила, сверху чистой страницы пишет во второй раз:

«Тихий Дон»
роман
Часть первая
1.

Цифру (арабскую) подчеркнул чертой и поставил точку.

Слева вверху помечает место и время, где начал работу:

«Вешенская
6-го ноября 1926".

Справа вверху пометил (арабской цифрой) номер страницы - 1.

Судя по всему, пронумеровал стопку бумаги - свыше пятидесяти страниц сразу. Эти первоначально меченые листы помогут нам установить последовательность сочинения некоторых глав «Тихого Дона», перенесенных с «места рождения» в другое определенное для них волею автора «постоянное местожительство» в романе.

Что-то, однако, помешало в тот день писать - возможно, наступивший праздник Октября.

На следующий день работа тоже не пошла - по-видимому, по причине праздника.

x x x

На третий день появляется новая дата: «8.XI».

Вот тогда родились на свет первые строчки и абзацы.

«Григорий пришел с игрищ после первых петухов. Тихонько отворил дверь в сенцы. Пахнуло запахом перепахших хмелин и острым мертвячим душком вынущего чебреца. Чуть слышно, поскрипывая сапогами, закусив губу, на носках прошел в горницу, разделся, бережно вывернул наизнанку праздничные синие шаровары с лампасами, повесил их на спинку кровати, перекрестился и лег. На полу желтый квадрат лунного света, в углу под расшитыми полотенцами тусклый глянец икон, над кроватью на подвеске глухой мушиный стон.

Задремал было, но в кухне заплакал ребенок. Певуче заскрипела люлька. Сонным голосом Дарья, братнина жена, бормотала:

- Цыц! Нет на тебя угомону, все будет ворочаться да реветь...Спи!

Поскрипывает на ремнях люлька. Задыхаясь от кашля, верещит ребенок. Дарья вполголоса поет:

Коляда - дуда...
Иде ж ты была?
Чего выстрегла?
Коня с седлом,
С золотым махром...

Григорий засыпает под мерный баюкающий напев, сквозь сон вспоминает: «А ведь завтра Петру в лагери идти. Останется Дашка с дитем...Ну, да месяц какой, обойдемся и без него...»

Зарывается головой в горячую подушку, но в уши назойливо ползет баюкающая песня:

А иде ж твой конь?
За воротами стоит.
А иде же ворота?
Вода унесла.

Григорий засыпает совсем. Просыпается оттого, что на базу заливисто ржет Петров строевой конь. Григорий встает, чтобы сводить к Дону, напоить коня, и, вялыми бессильными пальцами застегивая воротник рубахи, качаясь, опять почти засыпает под тягучую песенку. И скрипит люлька.

А иде ж гуси?
В камыш ушли.
А иде ж камыш?
Девки выжали.
А иде ж девки?
Девки замуж ушли.
А иде ж казаки?
На войну пошли...»

На этих словах первую страницу автор закончил и перешел на вторую, на обратной стороне листа.

«По Дону наискось волнистый, никем не езженный лунный шлях. Над Доном туман, а вверху звездное просо. Григорий ведет коня по проулку, лицо щекочет налетевшая паутина. Сон пропал. Конь идет, сторожко переставляя ноги, к воде спуск крутой. На той стороне крякают дикие утки, возле берега в тине взвертывает омахом охотящийся на мелочь сом.

Возвращаясь домой, Григорий смотрит на пепельном пологе сизеющего неба, как доклевывает краснохвостый день звездное просо. Скоро свет».

Вот и все, что сочинено 8 ноября 1928 года.

Последний абзац дался не сразу. Хотелось поярче нарисовать пейзаж. Строка с полюбившимся «звездным просом» возникла на узком поле листа со второго захода. Поначалу Григорий увидел: «За станицей, за бугристой хребтиной обдонских меловых гор чуть приметно сизеет небо, меркнут звезды и тянет легонький предрассветный ветерок». Писал черными чернилами, правил (позднее) фиолетовыми, мелко-мелко вписывал буковки строк, но разборчиво, как всегда. «Волнистый, никем не езженный лунный шлях» также появился не сразу, он заменил «измотанную волнистую лунную стежку».

Читаешь роман как киносценарий. Все предельно зримо, динамично, один план сменяет другой.

Работа шла медленно, тяжело. Шолохов искал и находил нужную интонацию, ритм, тональность. Не просто отдельной главы, отдельного эпизода или сцены. Всего романа.

Буквы хотя и разборчивые, но по ним видно, что они в тот день плохо слушались хозяина. Почерк словно испортился. Правка чуть ли не в каждой строке. Зачеркиваются не только отдельные слова, но и целые предложения.

Итак, в первый день работы заполнена страница и двенадцать строк на обратной стороне листа.

x x x

Поставив дату - 9.XI, Михаил Шолохов продолжал показывать жизнь в мелеховском доме.

«Возле конюшни сталкивается с матерью:

- Это ты, Гришка?
- А то кто ж.
- Напоил коня?
- Напоил, - нехотя отвечает Григорий. Мать, откинувшись назад, несет в завеске на затон кизяки, тяжело ступая старческими дряблыми босыми ногами.

- Иди буди Петра. Не рано уж.

Прохлада бодрит Григория, тело в мурашках, от бессонной ночи свежеет голова. Через три ступеньки вбегает на крыльцо и смело хлопает дверью в сенцы. В кухне, на разостланной полости, разбросав руки, спит Петро, рядом Дарья, рукой чуть покачивает люльку, сама, сморенная усталостью, спит. Рубаха сбилась комком выше колен, в потемках белеют бесстыдно раскинутые ноги. Григорий секунду смотрит на них и чувствует - кровь заливает щеки, сохнет во рту. Против воли бьет в голову мутная тяжесть, глаза воровато...Качнулся.

- Дарья, вставай!

Всхлипнула со сна и суетливо зашарила рукой, натягивая на ноги подол рубахи. На подушке пятнышко уроненной слюны; крепок заревой бабий сон.

- Вставай, стряпать иди. Буди Петра. Светает.

Григорию стыдно, будто что-то украл. Выходит в сенцы, сзади жаркий и хриплый шепот:

- Петюшка, вставай. Слышишь? Светает.

Петро что-то глухо бурчит, зевает, шелестит дерюжка. Дарья что-то шепчет, испуганно и задыхаясь, тихонько смеется.

Григорий все утро томился, помогая собираться брату, и все утро его не покидало чувство какой-то неловкости. Он виновато поглядывал на Петра, искоса рассматривая его лицо, по-новому всматривался в каждую черточку и, упираясь глазами в глаза, смущенно отворачивался».

Цитирую так подробно потому, что больше никто, кроме автора, не читал в таком виде эти страницы. Именно здесь Шолохов произвел решительную правку. На полях красным карандашом размашистая надпись - Аксинья. Слова матери «Иди буди Петра» стали такими: «Иди буди Астаховых». Имя Петра меняется на Степана. Имя Дарьи - на Аксинью. В результате полностью сокращаются эпизоды, где описывается смущение Григория, нечаянно увидевшего обнаженную Дарью на брачном ложе, и связанные с этим переживания.

Вместо них на полях сочиняется короткий диалог Григория и разбуженной Аксиньи:

«- Ой, кто такое?

- Это я, мать послала побудить вас...

- Мы зараз...это мы от блох ушли на пол!

По голосу Григорий догадывался, что ей неловко, и уходя слышит:

- Степан! Слышишь? Светает».

Правка сделана не в минуту озаренья: образ Аксиньи явился не по наитию, вытеснив Дарью, он продуман, как и образы всех главных действующих лиц, заранее. Далее подробно и не торопясь (впереди-то четыре тома эпопеи!) автор описывает проводы Петра, которому предстоят лагерные сборы. На этой странице сверху на полях стоит пометка: «Дать сборы», что и было исполнено в тот же день ниже.

Тогда же написана сцена, где Григорий ведет коня на водопой и по пути встречает ту, кто станет главной героиней романа.

«С горы, покачиваясь, спускалась соседка Аксинья».

Первый диалог Григория и Аксиньи также сочинен в тот день, у реки Григорий затевает с ней шутливый, ни к чему не обязывающий разговор, загородив конем дорогу:

«- Пусти, Гришка.

- Не пущу!

- Не дури, мне некогда, надо Степу собирать.

Григорий, улыбаясь, горячил коня, тот, переступая, теснил Аксинью к яру.

- Пусти, дьявол, вон люди идут! Увидят, што подумают? - она метнула испуганный взгляд по сторонам и прошла, хмурясь и не оглядываясь».

Этими словами заканчивалась глава на 5-й странице.

Глава 2 началась со слов:

«Петро попрощался с родными и вышел на крыльцо. Придерживая левой рукой шашку, он торопливо сбежал по порожкам и отвязал от перил коня».

(Привожу здесь и далее текст, каким он написан после оперативной по ходу сочинения правки, не оговаривая все сделанные позднее текстологические изменения).

Главы «Тихого Дона», известные читателям, нумеруются римскими цифрами. В рукописи, как уже говорилось, автор помечал их арабскими цифрами.

Цифру 2 над главой он пометил на 5-й странице рукописи. И впредь я буду отмечать начало и конец каждой очередной главы по мере их появления на свет цитатой, а также указывать первоначальный номер страниц, что поможет нам в конечном итоге увидеть последовательность сочинения глав, увидеть, чем отличается их «черновой» строй от того, что образовался в конце концов в результате переработки, редактирования, переписывания. Причем эта работа отнимала намного больше времени, чем само сочинение.

Со второго дня работа не просто пошла - полетела!

Если 8 ноября из-под пера Шолохова вышла всего страница текста, то на следующий день - 9 ноября - он написал без малого четыре страницы. Начал вверху второй страницы, а кончил в самом конце пятой ...

x x x

10 ноября Шолохов, написав два десятка строк, закончил первоначально короткую главу 2 сценой проводов Степана:

«...Аксинья шла рядом, держась за стремя, и снизу вверх, любовно и жадно, по-собачьи заглядывала ему в глаза. Так миновали они мелеховский двор и скрылись за поворотом.

Григорий хмуро проводил их взглядом и, посапливая, пошел в дом».

Поставив здесь точку, Шолохов на полях сделал две пометки:

«Троица 25». Потом цифру 25 исправил на 20.

«Лагери с 1-го мая по 31-ое мая».

Вот тут мы впервые видим, что поражающий всех историзм романа достигается средствами самыми простыми и в то же время самыми надежными - проверкой фактов, их уточнением. Для юного романиста не имело бы особого значения, когда праздновалась Троица в 1912 году - 25 мая или 20 мая. Однако Шолохов никогда, даже в мелочах, не поступается правдой и в конечном итоге создает огромное полотно, где картина поразительно соотносится с реальностью, не теряя своей поэтичности и ярчайшей художественности.

Троица наступает на пятидесятый день после праздника Пасхи, которая, в свою очередь, православной церковью отмечается с 22 марта по 25 апреля. Уточнив, что Троица в 1912 году праздновалась 20 мая, Михаил Шолохов таким образом определил для себя временные рамки нескольких событий романа.

От этой Троицы начинается повествование не один раз:

«За два дня до Троицы станичные растрясли луг».

«От Троицы только и осталось хуторским дворам: сухой чеборец, рассыпанный на полях...»

«С Троицы начался луговой покос».

(Как раз тогда произошло кульминационное событие в жизни главных героев - «С лугового покоса переродилась Аксинья». То есть с памятного дня 20 мая).

Здесь я несколько забегаю вперед...

Вернемся на 6-ю страницу, в середине которой начиналась первоначальная 3-я глава.

Все ее строки, уместившиеся на этой странице, обведены были позднее, когда рукопись редактировалась, толстым синим карандашом. На полях Шолохов оставил этим же карандашом указание:

«Перенести этот отрывок к гл.6 (10)».

Начинается обведенный чертой текст так:

«За две недели до Троицы станишные растрясали луг. На дележ ходил Иван Семенович...»

Читатель найдет эти строки, но поправленные, в начале VIII главы романа, где описывается, как Мелеховы на семейном совете, обсуждая предстоящий покос, решают пригласить на помощь соседку.

« - Аксюту Степанову кликнем, пособит. Степан надысь просил скосить ему. Надо уважить».

Далее следовали зачеркнутые синим карандашом семь строк, где описывается зарождающаяся любовь Григория:

«Григорий нахмурился, но в душе обрадовался отцовым словам. Аксинья не выходила у него из ума. Весь день перебирал он в памяти утренний разговор с нею, перед глазами мельтешилась ее улыбка и тот любовно-собачий взгляд снизу вверх, каким она глядела, провожая мужа. Зависть росла к Степану и непонятное чувство озлобления».

x x x

10 ноября написана всего одна страница. Если бы и далее автор работал на такой скорости, очевидно, его роман не мог бы появиться в 1928 году...Но вот 11 ноября происходит снова прорыв - на свет родились сразу четыре полные страницы 3-й главы. «К вечеру собралась гроза. Над станицей наплыла бурая туча, Дон залохматился гребнистыми кудрями, за левадами палила небо сухая молния и редкими раскатами давил землю гром».

По этим словам, позднее поправленным, каждый легко может установить, что в тот день появилась на свет на едином дыхании будущая 4-я глава и (дорогая сердцу автора) рыбалка на Дону. Но на этот раз в ней участвовали не только Григорий и его отец - Иван Семенович, пока еще не ставший Пантелеем Прокофьевичем, но и Аксинья. Этот текст давался легко, страницы выглядят так, словно перед нами - беловик.

12 ноября Шолохов продолжил на 11-й странице описание рыбалки. Он начал со слов «Одеревеневшими ногами Григорий переступает. Аксинья дрожит так, что дрожь ощущает Григорий через бредень.

- Не трясись!

- И рада б, да дух не переведу.

- Давай вылазь, будь она проклята, рыба эта».

А на полях появились слова:

«Туманен и далек был взгляд ее, устремленный на ущербленный колосистый месяц».

(В собрании сочинений они стали такими: «Туманен и далек был взгляд ее, устремленный на ущерб колесистого месяца»).

В тот день Шолохов закончил описание рыбалки. Аксинья звала на помощь отца Григория словами:

« - Дядя Иван!»

x x x

Снова темп замедляется. 12 ноября написана, как в первые дни, всего одна страница. Шолохов словно дает себе передышку перед решительным днем. 3-я глава завершалась так:

« - Ты чево шумишь? Ай заблудилась? - подходя к развороченной копне, переспросил Иван Семенович. Аксинья стояла возле копны, поправляя сбитый на затылок платок, улыбнувшись, ответила:

- Мы думали, вы там в лесу заблудились.

- С Меланьей не страшно, она замерзнуть не дасть, - посмеивался в бороду старик».

x x x

13 ноября началась 4-я глава.

«Аксинью выдали за Степана 17 лет. Взяли ее с хутора Дубового, с той стороны Дона, с песков. Приехали на нарядной бричке сваты за Аксинью».

На полях Шолохов нарисовал карандашом две стрелы, приписав к ним «Вставка 1» и «Вставка 2».

Вставки эти предстают на следующей странице 13. Помнит ее содержание каждый, кто хоть раз читал роман: здесь описываются страшные происшествия в жизни Аксиньи. Сверху над текстом: «Вставка. Стр. 12. Строка 14: «За год до выдачи осенью пахала она с отцом в степи верст за 8 от хутора...» Заканчивалась: «К вечеру он помер. Людям сказали, что пьяный упал с арбы, убился. А через год».

Далее идет «Вставка. Стр.12, строка 28». «На другой же день в амбаре Степан расчетливо и страшно избил молодую жену».

Эпизод завершается словами: «После этого на ласку был скуп и по-прежнему редко ночевал дома».

Далее автор ставит черту и фактически сочиняет третью вставку, хотя и не нумерует ее.

«Аксинья привязалась к мужу после рождения ребенка, но (жизнь как будто наладилась - эти слова зачеркнул. - **Л.К.**) не было у нее к нему чувства, была горькая бабья жалость да привычка... И когда (соседский парень - зачеркнуто. - **Л.К.**) Мелехов Гришка, заигрывая, стал ей поперек пути, с ужасом увидала Аксинья, что ее тянет к черновому калмыковатому парню».

Эти три вставки и стали содержанием главы, завершенной на 14-й странице!

«Проводив Степана в лагери, решила с Гришкой видаться как можно реже. После ловли бреднем решение это укрепилось в ней еще больше».

При редактировании напротив этого заключающего главу абзаца Шолохов написал: «Обосновать». Очевидно, во исполнение этого решения и появились на полях строки:

«Она боялась это новое, заполнявшее ее чувство. (Боялась оттого, что впереди...- эти слова зачеркнуты - **Л.К.**). И в мыслях шла осторожно, как по мартовскому ноздреватому льду».

Как видим, целую главу (ставшую в романе VIII) написал автор за день. Но на этом не остановился, а начал в тот же день на 14-й странице 5-ю главу, где описывается скачка сотника и хуторских ребят во главе с Митькой Коршуновым. «Митька Коршунов на первый день Троицы утром подъехал к мелеховскому двору на подседланном белоногом донце».

x x x

На следующий день, 14 ноября, продолжался рассказ о состязании. «Григорий наспех оделся. Митька ходил за ним следом, заикаясь от злобы, рассказывал:

- Приехал в гости к Моховым купцам этот самый хорунжий. Погоди, чей он по фамилии? Кубыть Мануйлов...»

Так на сцене «Тихого Дона» появился хорунжий Мануйлов, ставший в окончательном варианте сотником Листницким. На этих скачках состоялась первая встреча Григория и будущего его злейшего врага...

Написав сцены скачки, Михаил Шолохов засомневался: стоит ли их включать в роман? На полях карандашом сделал приписку: «Похерить сию главу: никчемушная», последнее слово обвел чертой. Но пощадил, «не похерил». И теперь яркое соревнование предстает пред нами в VIII главе романа, но по времени событие это несколько сместилось - скачка происходит за день до Троицы...

Прошла неделя, как началась работа над «Тихим Доном». Всего за семь дней Михаил Шолохов сочинил без малого пять глав. 14 ноября он, однако, продвинулся вперед ненамного, на страницу, дойдя до слов:

« - Добрячий конь, - Митька, дрожащей от пережитого рукой похлопывая по шее жеребца и ненатурально улыбаясь, глянул на Григория».

x x x

И вот когда автор дошел до этого места, его осенило. Он почувствовал: нужно начать роман не так, как начал: захотелось дать историю мелеховского рода. На чистом листе бумаги, взятом из ненумерованной стопки бумаги, писатель в третий раз наносит на бумагу знакомые нам слова:

«Тихий Дон»
роман
Часть первая
1А».

Знаком А автор выделял новую главу от уже написанной ранее главы 1.

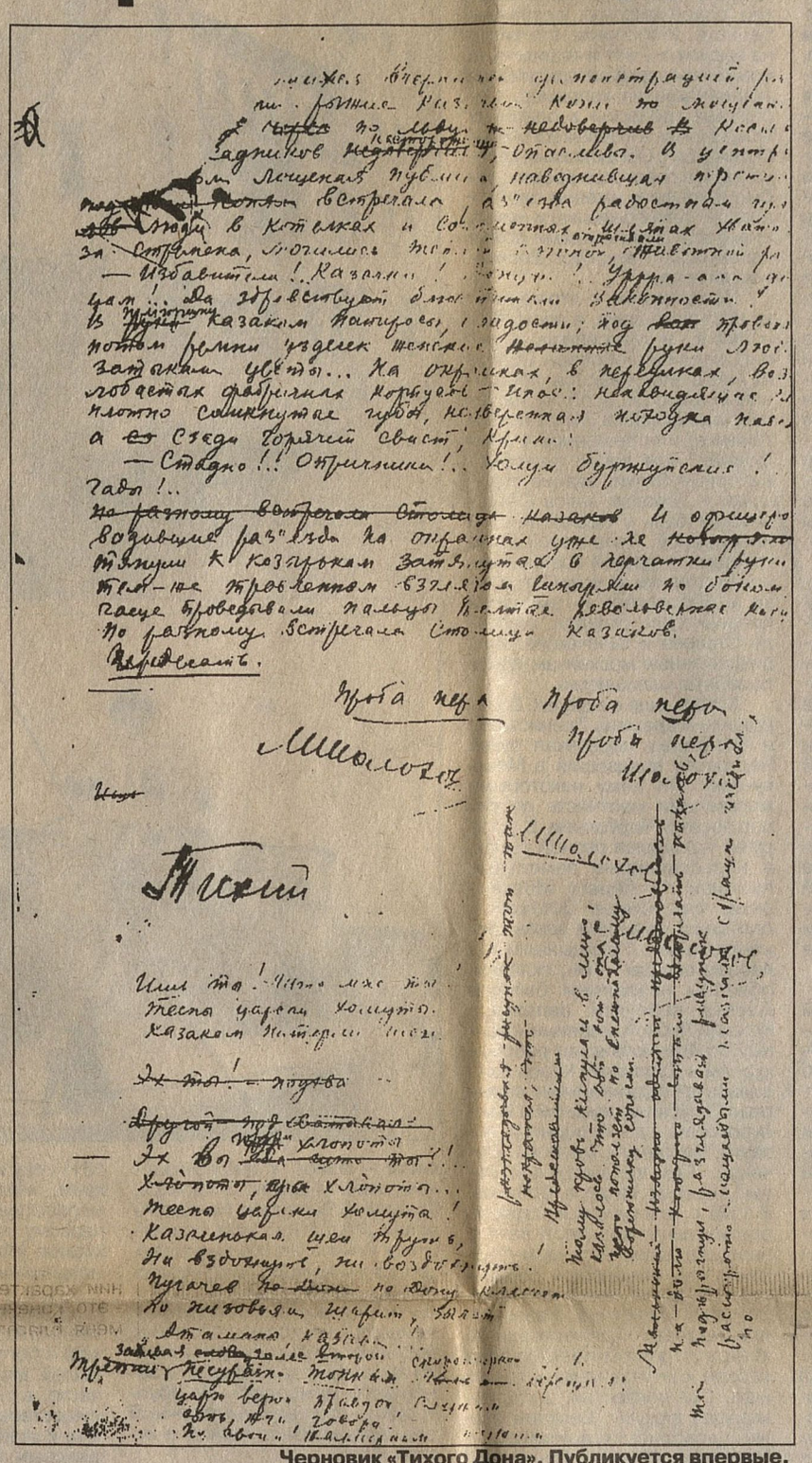
В левом верхнем углу вновь появляется название станицы и дата:

«Вешенская
15-го ноября
1926".

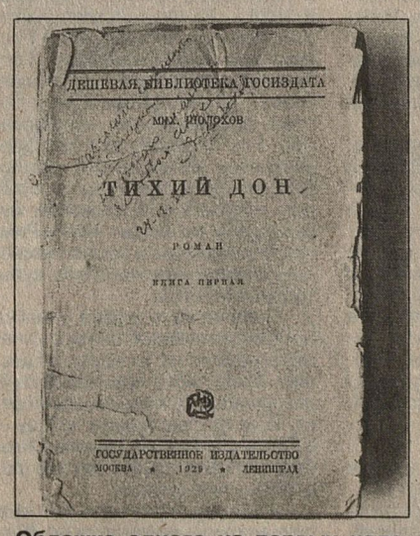
В правом - цифра 1.

Именно тогда появилось начало: «Мелеховский двор на самом краю станицы».

Всем оно известно в несколько другой редакции: «Мелеховский двор - на самом краю хутора».



Черновик «Тихого Дона». Публикуется впервые.



Обложка одного из первых изданий романа.

Лев КОЛОДНЫЙ.